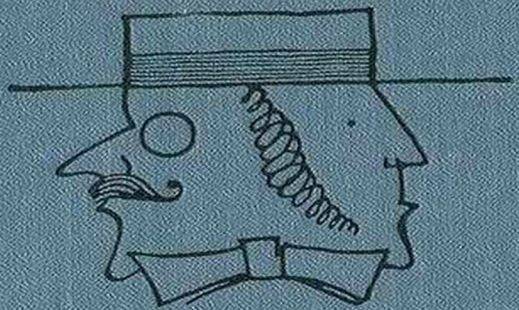
БРЕТ ГАРТ



Джим Уилкс возвращается в отчий дом

Брет Гарт

Аннотация
Брет Гарт
ДЖИМ УИЛКС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ОТЧИЙ ДОМ
I
II

Аннотация

Стороннему наблюдателю дико и неприятно видеть, с каким безразличием относятся к родному брату его сестра и братья. Чашу терпения переполняет реакция отца, только что спасённого от смерти сыном, которого он не видел пять лет…

Брет Гарт

ДЖИМ УИЛКС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ОТЧИЙ ДОМ

I

Уже несколько минут как наступила полная тишина и не слышно было ничего, кроме непрерывного дробного стука дождя по крыше кареты, свиристения колес по размытому песчаному грунту и внезапного, тут же смолкавшего топота копыт по какому-нибудь каменистому кряжу, прорезавшему дорогу. Разговоры прекратились; веселый молодой редактор у окна впереди, уже успевший навлечь на себя подозрение в опасном легкомыслии, чтобы не сказать больше, тоже погрузился в молчание, потому что тучный мужчина, сидевший на среднем сиденье, с видом покорной жертвы уставился в потолок, а тощая женщина рядом отвернулась, загородившись своим респектабельным чепцом. Внезапно карета накренилась, струи дождевых капель, висевших бахромой по краям крыши, потекли по окнам и скрыли из виду клубящуюся даль, уже заволакивающуюся тьмой. Было на минуту какое-то облегчение, когда они быстро пронеслись через Верхние Ключи и видели, должно быть, только что приехавших делегатов от округи, столпившихся на веранде единственной гостиницы, но

все это осталось позади, с тех пор уже проехали три мили. Единственное развлечение молодого редактора состояло в том, что он от времени до времена украдкой наблюдал за лицом одного пассажира, который, по — видимому, симпатизировал ему, но он сидел так далеко, что завязать с ним разговор не было возможности. Что-то недоуменно озадаченное сквозило в выражении лица этого молодого человека, который из своего дальнего угла уже давно посматривал на него с каким-то восхищенным и вместе с тем глубоко задумчивым любопытством; но дальше этого дело не шло, и все его поощрение редактору проявлялось только в робкой и грустной улыбке. Но постепенно и это исчезло в надвигающейся мгле; яркие фонари по обе стороны дилижанса бросали снопы света на обочины дороги, но не освещали кузов кареты. Все мало — помалу незаметно погрузились в сон. Вдруг все проснулись и обнаружили, что карета стоит! Когда она остановилась, никто не заметил. Молодой редактор опустил около себя окно. Фонарь с этой стороны дилижанса отсутствовал, но кругом ничего не было видно. Вдалеке слышались какие-то слабые всплески.

— Ну как? — раздался сверху с козел нетерпе-

ливый оклик. — Сколько ж там, по — твоему, будет?

Это был властный голос кучера, Юбы Билла, и все, затаив дыхание, прислушивались, какой будет ответ. Он донесся слабо, откуда-то издалека, где плескало.

— Около четырех футов здесь, и что ни дальше, то глубже.

— Вода-то стоячая?

— Нет, с Форка идет.

Все бросились к окнам и дверям. Плеск уже слышался ближе, затем свет брызнул на деревья, на окна и на мутно — желтую воду, мирно зыблющуюся прямо под ними. Тощая дамочка взвизгнула.

— Никакой опасности нет, — сказал почтовый курьер, шагая к ним по воде с фонарем в руке. — Но придется повернуть назад и ехать обратно на Ключи. Здорово разлило, ночью никак не проедешь.

— Почему же нам не сообщили этого раньше? — с возмущением крикнул в окно тучный мужчина.

— Джим, — протянул Юба Билл с такой нарочитой медлительностью, что все насторожились.

— Да, Билл.

— Нет у тебя лишнего экземпляра этого официального бюллетеня, который почтовая компания выпускает каждые десять минут, для каждого пассажира, чтобы сообщить ему, где мы находимся, далеко ли до следующей станции и какая предвидится погода?

— Нет, — мрачно ответил курьер, залезая на сиденье за козлы. — Ни одного не осталось. А что?

— Да вот тут китайский император сидит, ему требуется! Но! Двинулись! Покрепче держитесь там! Гип! — Бич щелкнул, волнами заплескала вода, карета дернулась взад-вперед; мокрые блестящие бока и отчаянно мотающиеся головы передних лошадей на секунду мелькнули в окнах, весь кузов кареты повернулся рывком, словно сорвавшись с осей, потом еле-еле, ползком двинулся с невероятным усилием, и вот наконец снова раздался отрадный звук — топот копыт по твердой почве.

— Эй, эй! Остановите, кучер!

Это закричал, высунувшись в окно, тот самый незнакомый друг редактора, который сидел, помалкивая.

— Ранчо Уилкса, это ведь где-то здесь?

— Да, с полмили вдоль склона, не больше, — коротко ответил курьер.

— Ну, раз вы сегодня ночью дальше не двинетесь, я, пожалуй, лучше переночую здесь.

— Похоже, у вас голова правильно работает, молодой человек, — одобрительно сказал Билл, — потому как гостиница в Ключах набита битком.

Чтобы сойти с дилижанса, пассажиру надо было пройти мимо среднего сиденья, выход был как раз около молодого редактора. Уже став на подножку, незнакомец смущенно покосился на него, потом, нагнувшись, сказал нерешительно, понизив голос:

— Я думаю, вам вряд ли удастся попасть в гостиницу в Ключах. Если вы не против пойти со мной на ранчо, я берусь позаботиться о ночлеге.

Молодой редактор, человек предприимчивый, не стал долго раздумывать. Схватив свой саквояж, он сразу сказал:

— Благодарю вас, — и сошел вслед за своим новообретенным другом.

Бич щелкнул, и карета укатила.

— Вы знаете Уилкса? — спросил он.

— Д-да. Это мой отец.

— А! — весело отозвался редактор. — Значит, вы к себе, домой?

Здесь, на открытом месте, было совсем светло, и незнакомец, остановившись на минутку, все

с тем же нерешительным видом огляделся по сторонам.

— Сюда, — сказал он и, перейдя дорогу, пошел вдоль склона по какой-то давно заброшенной, но, по-видимому, когда-то езжей колее. Он все еще не преодолел своего смущения, и молодой редактор, еще раз от души поблагодарив его за внимание и любезность, теперь шел за ним молча.

Минут через десять они дошли до каких-то огородов и разделанных участков; незнакомец, шагавший все с тем же озабоченным видом, явно оживился, прибавил шаг и вдруг остановился как вкопанный. Когда редактор подошел к нему, он в полной растерянности, недоуменно смотрел на низкие полуразрушенные, обгорелые останки строения, бывшего когда-то большим фермерским домом.

— Сгорел, оказывается! — тихо промолвил он.

Редактор смотрел на него в изумлении.

Сгорел, несомненно, но только когда, не теперь же… На обгорелых балках погреба уже проросла трава, вьющиеся растения густо переплелись на обвалившихся дымовых трубах, среди развалин там и сям — кучи засохшей земли, ямы.

— Когда вы здесь были последний раз? — прямо спросил редактор.

— Пять лет тому назад, — задумчиво ответил незнакомец.

— Пять лет! И вы ничего об этом не знали?

— Нет. Я все это время ездил, был на Таити, в Австралии, в Японии, в Китае.

— И вам ничего не писали из дому?

— Нет. Видите ли, мы с моим стариком поссорились, и я сбежал из дому.

— И вы не писали, что собираетесь приехать?

— Нет. — Он замялся и потом прибавил: —У меня этого в мыслях не было, пока я не увидел вас.

— Меня?!

— Да, вас, и потом вот этот разлив.

— Вы что же хотите сказать, — резко обратился к нему молодой редактор, — что вы уговорили меня, совершенно незнакомого вам человека, сойти с дилижанса, пообещав мне приют у вашего отца, с которым вы пять лет тому назад расстались в ссоре, не виделись с тех пор и не знали, примет ли он вас?

— Д-да, видите ли, вот из-за этого — то как раз я так и сделал. Ну, понимаете, я подумал, что для меня лучше явиться к нему вот с таким веселым, разговорчивым человеком, как вы. Но я, конечно, никак не ожидал этого, — прибавил он беспомощно, показывая на развалины.

Редактор смотрел на него, разинув рот; и вдруг это дурацкое происшествие, случившееся с ним, все, с начала до конца, — как он покорно сошел за этим дружелюбным болваном, шагал за ним по пустынной дороге, ночью, под проливным дождем, чтобы очутиться перед этой грудой развалин, в то время как дилижанс катил себе к приютному крову в Ключах, но главное, главное, причина, почему его пригласили, — все это показалось ему такой невообразимой нелепостью, что он покатился с хохоту; трясясь всем телом, он швырнул наземь свой саквояж, оперся на трость и хохотал так, что слезы градом катились у него из глаз.

Спутник его, глядя на это, явно повеселел.

— Я же вам говорил, — радостно сказал он, — я знал, что вы способны отнестись к этому — и к старику моему — Вот именно так, а это его и ко мне, может, смягчило бы.

— Ради бога, — вскричал редактор, вытирая глаза, — не говорите больше ничего, лучше постарайтесь вспомнить, кто у вас тут жил по соседству, где бы мы могли переночевать. До Верхних Ключей нам с вами не дойти, а здесь, на этом пепелище, тоже не переночуешь.

— Ближе, чем в Ключах, здесь никто не жил.

— Но это было пять лет тому назад, — нетерпеливо сказал редактор, — и хотя ваш отец, наверно, уехал куда-нибудь после того, как сгорел дом, в этих местах с тех пор выросли целые поселки. Это же засеянный участок, тут где-нибудь за ним должен быть чей-то дом. Давайте пройдем чуть подальше.

Они молча зашагали по колее, редактор на этот раз впереди. Внезапно он остановился.

— Вон там, за деревьями, дом, — сказал он, показывая пальцем. — Чей это?

Незнакомец недоуменно покачал головой. Хотя он как будто не так уж огорчался за отца, которого постигло такое несчастье, однако зрелище черных развалин родительского дома явно нарушило его планы.

— В мое время этого дома не было, — задумчиво промолвил он.

— Но в наше время он есть, — живо возразил редактор, — и я предлагаю пойти туда. По всему тому, что я слышал от вас о вашем отце, даже если бы его дом и стоял на месте, — вряд ли мы получили бы там ужин и приют. Я думаю, — продолжал он, когда они пошли дальше, — он сильно гневался на вас, когда вы расстались, пять лет тому назад.

— Д-да.

— Что же он вам сказал на прощание?

— Не припомню, чтобы он что-нибудь говорил.

— Ну как же он себя вел?

— Палил по мне из окна.

— Д-да! — тихо протянул редактор.

Некоторое время они шли молча. Постепенно впереди,

под прямым углом к колее, по которой они шагали, стали вырастать белые столбы ограды, а вдоль нее тянулась настоящая проезжая дорога, и по ней не спеша шел какой-то человек. Редактор, который теперь уже решил действовать сам, не сказав ни слова своему спутнику, бросился наперерез к незнакомцу и, подбежав к нему, рассказал в немногих словах, что они с приятелем сошли с дилижанса, задержавшегося из-за разлива, и, не входя ни в какие подробности, спросил коротко, не может ли он указать им, где бы они могли переночевать. Незнакомец отвечал так же коротко. Показав на дом, видневшийся среди деревьев, он сказал, что это его дом и они могут пойти туда, а сам не спеша зашагал дальше по дороге. Молодой редактор вернулся бегом к своему спутнику, укрывшемуся под мокрыми ветвями смоковницы, и рассказал, как им повезло.

— Я его ничего не спросил о вашем отце, — прибавил он. — Вы потом можете сами его расспросить.

— Я думаю, мне теперь это не понадобится, — сказал спутник. — Вы не приглядывались к этому человеку, не обратили на него внимания?

— Нет, не особенно, — ответил редактор.

— Так вот, это мой отец, и, как я понимаю, это его новый дом.

II

Молодой редактор смотрел на него с изумлением. Человек, с которым он только что говорил, отнюдь не произвел на него впечатления опасного субъекта, но если вспомнить, что рассказывал о нем сын, может, он и в самом деле способен убить.

— Послушайте, — поспешно сказал он, — сейчас его там нет. Почему бы вам не воспользоваться этим? Пойдите, помиритесь с вашей матерью и сестрами, чтобы они потом, когда он вернется, заступились за вас.

— Матери у меня нет; она умерла до того, как я сбежал. Моя сестренка Элмира совсем девочка, правда, с тех пор прошло четыре года, должно быть, она уже и выросла. А с братьями мы никогда особенно не ладили. Но вот я что думаю, может быть, вы сперва пойдете туда и пощупаете, как они там, а тогда уж и ввернете слово обо мне, так вот ненароком, как вы умеете, рассмешите их чем-нибудь — ну, вы сами увидите, как к ним подойти, а я подожду здесь, возле дома, и вы просто кликнете меня. Понятно?

По-видимому, редактору теперь все было по-

нятно. Как ни нелепо показалось бы ему такое предложение час тому назад, теперь он находил его вполне уместным, и оно даже пришлось ему по душе. Имя его было широко известно в округе, и вполне возможно, что его ходатайство увенчается успехом. Может быть, такая вера в него его спутника приятно щекотала его тщеславие; может быть, он поддался просто человеческому любопытству, и ему захотелось узнать, чем все это кончится; а может быть, этот беспомощный, рвущийся домой блудный сын внушал ему жалость, в которой он сам себе не хотел сознаться.

— Но вы должны мне хоть что-то рассказать о себе, ну, что-нибудь о вашей жизни, о ваших планах. Ведь они, конечно, будут расспрашивать.

— Нет, вряд ли. Но вы можете им сказать, что я человек обеспеченный, нажил себе кой-какой капитал в Австралии, не собираюсь им сесть на шею.

Редактор кивнул и, словно опасаясь, как бы здравый смысл не остудил его порыва, бегом бросился к дому.

Это был большой, внушительный дом, всем своим видом свидетельствовавший о благосостоянии Уилксов. Редактор решил повести атаку на эту крепость с самой ее слабой, податливой

— женской — стороны, поэтому, когда на его стук дверь отворилась, он спросил, нельзя ли ему повидать мисс Элмиру Уилкс. Слуга — ирландец провел его в уютную гостиную, и в следующую минуту, шурша на ходу длинной широкой юбкой, в комнату стремительно вошла прехорошенькая девушка. Едва только она обратила на него пронзительный взгляд быстрых голубых глаз, редактор — неплохой знаток женщин — догадался, что она ждала кого-то другого; еще взгляд — и он понял, что она отчаянная кокетка и никогда не упустит случая пококетничать. Это, во всяком случае, было ему на руку. Подстрекаемый ее лукавым взглядом и необычностью положения, он рассказал ей, как обстоит дело, в таком непринужденном и забавно-шутливом тоне, что вполне оправдал глубокую веру спутника в его обаяние. Но даже и при всей своей несколько циничной развязности он был как-то озадачен тем, как отнеслась девушка к его рассказу. Он ожидал взрыва негодования или, может быть, даже сурового осуждения этого человека, который уж и ему самому начал казаться каким-то сбившимся с пути, жалким отверженцем, но он был поражен полнейшей безучастностью, совершенно откровенным, невозмутимым, жестоким

равнодушием, с каким она приняла известие о его возвращении. Выслушав до конца скорей самого рассказчика, чем его рассказ, она томным голосом позвала из соседней комнаты своих братьев.

— Вот этот джентльмен, мистер Грей из «Аргуса», встретился случайно с Джимом. Джим намерен явиться сюда и повидать отца.

Оба брата уставились на Грея, потом слегка пожали плечами с тем же полным отсутствием интереса или какого-либо братского сочувствия и ничего не сказали.

— Минутку, — чуть-чуть горячась, сказал Грей. — Я не собираюсь выведывать ваши семейные тайны, но, может быть, вы все-таки скажете мне, существует ли какая-нибудь важная причина, почему ему нельзя сюда прийти? Ну, может быть, какой-нибудь позорный поступок — непростительное поведение или, скажем, даже злоумышленная выходка — словом, нечто такое, что не допускает возможности его возвращения под родительский кров?

Все трое переглянулись с каким-то скучливым недоумением, которое тут же сменилось рассеянной улыбкой.

— Нет-нет, — ответили они все сразу, в один голос. — Нет, но только…

— Ну что только? — нетерпеливо переспросил Грей.

— Папаша просто не переносит его.

— Хуже всякой отравы, — с улыбкой протянула Элмира.

Молодой редактор, чуть-чуть вспыхнув, поднялся с места.

— Послушайте, — сказала девушка, и ямки так и заиграли у нее на щеках — она наблюдала за ним с явным любопытством, словно подозревая в этом его интересе к ее брату какое-то искусное притворство, новую манеру ухаживать. — Папаша только что пошел в загон к овцам и вернется не раньше, чем через час. Вы можете привести сюда вашего приятеля.

— А может быть, ему что-нибудь надо? Может, он обнищал совсем… или что-нибудь с ним случилось… — с опаской прибавил один из братьев.

Грей поспешил их уверить, что Джим вполне обеспеченный человек, и даже прибавил кой-что от себя насчет капитала в Австралии. Это их, по-видимому, успокоило, но никакого интереса они не проявили.

— Подите позовите его, — сказала юная чародейка, кокетливо вертясь около Грея и стреляя глазками, — да смотрите, приходите сами.

Грей секунду поколебался и затем вышел на темное крыльцо. Съежившаяся, намокшая фигура вышла из-за деревьев. Это был Джим.

— Ваша сестра и братья зовут вас, — коротко и быстро сказал Грей, не желая вдаваться в подробности. — Он вернется не раньше, чем через час. Но я вам советую не терять времени, а постараться расположить к себе сестру.

Он уже хотел было отступить, чтобы тот вошел один, но Джим умоляюще вцепился в его руку, и Грей вынужден был вернуться вместе с ним. Он заметил, что Джим часто и тяжело дышит.

Те трое слегка повернулись к своему брату, но не выказали готовности пожать ему руку, и он не пытался этого сделать. Он сел боком на стул, не дожидаясь, чтобы ему предложили.

— Старый дом-то сгорел! — сказал он, вытирая губы и проводя носовым платком по мокрым волосам.

Так как он ни к кому в частности не адресовался, то прошло несколько секунд, прежде чем старший брат вымолвил:

— Да.

— А Элмира выросла.

Опять никто не счел нужным ответить, а Элмира лукаво покосилась на молодого редактора,

словно дожидаясь, что он прибавит: и похорошела.

— Ну как твои дела, ничего? — пытаясь поддержать разговор, спросил один из братьев.

— Да, ничего, — ответил Джим.

И опять наступила пауза.

Даже словоохотливый Грей сидел, словно зачарованный этим гнетущим молчанием, и чувствовал себя не в силах его нарушить.

— А старый колодец, так и остался стоять, — сказал Джим, снова вытирая губы.

— Это куда папаша тебя чуть не спихнул за то, что ты ему перечил, — ввернул младший брат.

Мистер Грей изумленно, но вместе с тем с чувством облегчения посмотрел на Джима, когда тот громко захохотал, похлопывая себя по коленкам.

— Да правда, как прошлое-то вспоминается!

— И то старое ореховое дерево тоже стоит, — живо подхватила ясноглазая Элмира, — помнишь, как ты на него вскарабкался, когда на тебя собак спустили. Вмиг на самый верх залез!

Джим снова громко захохотал и затряс головой.

— Да, старый орех! Вот ведь и ты помнишь, Элмира! — с восхищением сказал он.

— А помнишь Делию Шорт? — продолжала

Элмира, польщенная его восхищенным тоном и, может быть, втайне гордясь необыкновенным вниманием, с каким молодой редактор слушал эти приятные воспоминания. — Помнишь, как ты по ней с ума сходил; мы всегда считали, что это ты из-за нее свихнулся, когда ты из дому бежал. Ты так за ней увивался, а она-то, оказывается, уже в это время была тайно обвенчана с твоим приятелем Джо Стэси. Вот уж как тогда все потешались, чего только о вас не рассказывали! А ты-то воображал, что она за тебя пойдет! Вот твой новый друг, — с лукавой улыбкой в сторону Грея, — который всегда всех в газете протаскивает, мог бы это так расписать!

Джим опять захохотал громче всех и потер себе губы. Грей только криво усмехнулся и подошел к окну.

— Вы говорили, ваш отец вернется через час? — сказал он, обернувшись к старшему брату.

— Да, если он только не зайдет к Уотсону.

— А где это? — вдруг заинтересовался Джим.

Грей с удивлением заметил, что у него как-то сразу изменился голос или, вернее, что он первый раз за все это время заговорил естественным тоном.

— Да тут близко, только мост перейти, — по-

яснил брат. — Если он туда зашел, он раньше десяти не вернется.

Джим поспешно схватил свой плащ, шляпу и, направляясь в переднюю, сказал на ходу:

— Я, пожалуй, пойду прогуляюсь немножко, пока он не пришел.

Никто из родных не пошевельнулся и не сделал попытки его удержать.

Грей тут же очутился рядом с ним.

— Я иду с вами, — сказал он.

— Нет, — с какой-то странной настойчивостью произнес Джим. — Вы оставайтесь здесь, разговорите их, пусть себе посмеются. Ведь они все это для вас старались. Элмира только из-за вас так развеселилась.

Видя, что его не уговорить, Грей мрачно вернулся в гостиную; но, проходя мимо окна в передней, он не без удивления увидел, как Джим, выйдя из дома, бросился бежать сломя голову куда-то в темноту.

Может быть, его это несколько встревожило, а может быть, он все еще находился под впечатлением недавней уютной беседы, но он без всякого воодушевления отвечал на задорные попытки хорошенькой Элмиры втянуть его в разговор, и его очень скоро оставили одного у камина. Про-

шло каких-нибудь десять минут, и он уже жалел, что пришел сюда; через полчаса он уже начал подумывать, не лучше ли ему уйти и как-нибудь одному добраться до Ключей, а когда он обнаружил, что сидит уже целый час, а Джима все нет, ему стало не по себе, несмотря на полнейшее равнодушие хозяев дома.

Вдруг он услышал, как кто-то затопал по крыльцу, затем из передней послышались невнятные восклицания и голоса обоих братьев.

— Что с вами, папаша? Что случилось? Где это вы так вымокли? Прямо будто из воды вылезли!

Дверь в гостиную распахнулась, и в комнату ворвались столбы пара и мокрая, словно дымящаяся фигура старика, которого Грей встретил на дороге, а за ним следом оба его сына.

Старик, по-видимому, был вне себя, но не оттого, что он пострадал, — он был вне себя от ярости. Крепкий, рослый, выше обоих своих сыновей, он сбросил с себя на ходу мокрый сюртук и жилет и подошел к камину. Не обращая ни малейшего внимания на присутствие постороннего человека, он круто повернулся лицом к сыновьям.

— Вылез из воды! Да! А мог бы и не вылезти. Форк из берегов вышел, Уотсона затопило, и мост снесло. Я в темноте ступил здесь на конец доски

и полетел головой вниз, а тут глубина футов двадцать будет. Пытался выбраться, а течение против; два раза с головой под воду уходил и вот уже на третий раз чувствую, совсем тону, вдруг кто-то меня сзади за шиворот схватил и плечом подпер — вот так и поплыл со мной к берегу! Я кое- как на ноги поднялся и говорю: «Я вашего лица не вижу и не знаю, кто вы такой, но вы, — говорю, — мужественный, благородный человек, за это могу поручиться», — и протягиваю ему руку. А он как схватит мою руку. «Ну вот, — говорит, — мы и квиты», — и тут же его и след простыл. И кто же вы думаете это был? — грозно уставившись им в лица и повышая голос чуть ли не до крика, продолжал старик. — Эта подлая собака, негодник— ваш братец Джим! Паршивец Джим, которого я пять лет назад вышвырнул из дому, приполз обратно, пробрался тайком, — подумать, через столько лет, — чтобы надсмеяться над сединами отца. А вы-то, боже мой, вы тогда еще осмелились думать, что я слишком жесток к нему.

На другой день с утра ярко светило солнце, когда молодой редактор остановил дилижанс в теперь уже совсем высохшей ложбине. Взбираясь на верхнее сиденье рядом с кучером, он почув-

ствовал, как кто-то схватил его за локоть из окна кареты. Он взглянул вниз и увидел Джима.

— А славно мы поболтали вчера вечерком, вспомнили прошлое, ведь правда? — оживленно заговорил блудный сын.

— Д-да, но… а куда же вы теперь направляетесь?

— Думаю обратно, в Австралию. Но приятно было вот так невзначай заглянуть еще раз в родное гнездо.

— Оно, конечно, — сказал редактор, ухватившись за окно и наполовину повиснув в воздухе, к явному нетерпению Юбы Билла, — но… скажите… в самом деле, вы-то сами, вы правда довольны?

Рука Джима стиснула локоть молодого редактора.

— Да! — бодро сказал он. Но лица его не было видно, он отвернулся.